

На снимке (слева направо): А. С. БУБНОВ, А. Н. ТОЛСТОЙ, М. Е. КОЛЬЦОВ в президиуме I съезда советских писателей. Во втором ряду, между Бубновым и Толстым, — Н. С. ТИХОНОВ.

Фото Н. НЕВСКОГО

«ЧЕЛОВЕК НА УРОВНЕ» В ТЕАТРЕ

КРИТИКИ и литературоведы сейчас спорят, к какому жанру следует отнести сатиру Мих. Кольцова «Иван Вадимович — человек на уровне».

Одни называют «Ивана

Вадимовича» циклом фельетонов, другие — циклом сатирических рассказов, объединенных личностью главного персонажа — рассказчика, третьи предлагают считать «Ивана Вадимовича» малень-

Мы предлагаем вниманию читателей нашего еженедельника его малоизвестную новеллу, тематически связанную с сатирической повестью «Иван Вадимович — человек на уровне». Новелла названа

кой сатирической повестью.

Однако все исследователи творчества Кольцова сходятся на том, что в этом произведении Мих. Кольцов — фельетонист и сатирик-миниатюрист создал большой сатирический образ приспособленца и карьериста, оставаясь при этом верным принципам художественного лаконизма, которые он так ярко реализовывал в своих фельетонах и новеллах.

Мне думается, что вся художественная прелесть «Ивана Вадимовича» как раз и состоит в том, что в своей повести (я лично склонен считать «Ивана Вадимовича» именно сатирической повестью) Кольцов — сатирик крупной формы не изменил Кольцову — фельетонисту и новеллисту.

автором «Странная пьеса». Написана она не в форме монолога Ивана Вадимовича, повествование ведет автор, как бы помогающий Ивану Вадимовичу в его сатирическом саморазоблачении.

Это очень смешная и острая новелла, вся пронизанная театральной атмосферой наших тридцатых годов. Однако она не звучит архаично и еще раз свидетельствует, что сатире Кольцова, как и всякой настоящей сатире, присуща завидная жизнестойкость.

Новелла «Странная пьеса» была опубликована в 1935 году в сборнике, посвященном 10-летию Театра сатиры, изданном самим театром. В собрании сочинений Мих. Кольцова, изданных и при его жизни, и после его посмертной реабилитации, «Странная пьеса» не входила.

Редакция «Литературной России» благодарит народного художника РСФСР Бориса Ефимова, предложившего еженедельнику для публикации это интересное и малоизвестное произведение своего покойного брата, а также проиллюстрировавшего новеллу.

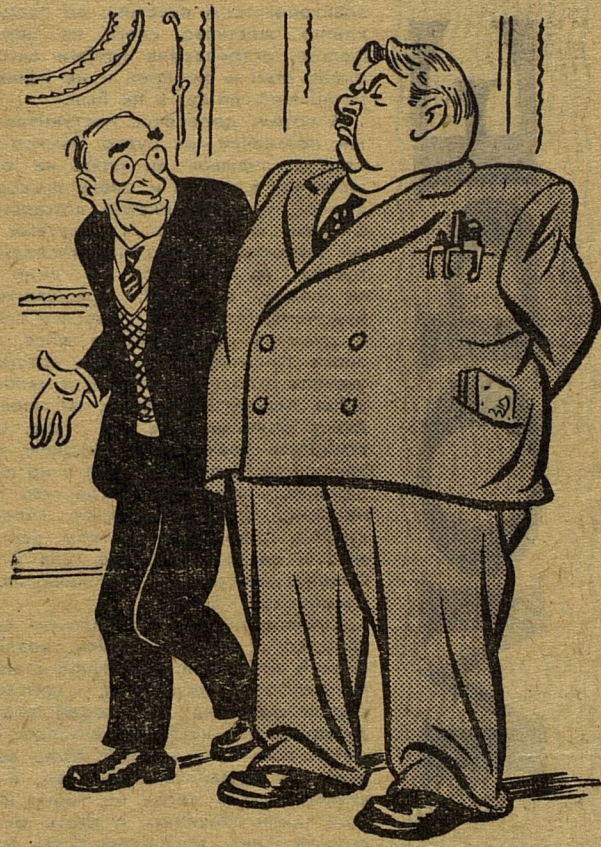
Леонид ЛЕНЧ

тическая бесхребетность. Маяковщина. Джойс. Просто любопытно, как ози думают выпутаться из подобной мешанины. По-видимому, в городе начнется восстание, и это распутает все.

Но автор и не думал выпутываться. В четвертом действии опять выплыл злополучный мулла (патер), развел невероятные интриги и всучил девушке сонный напиток, от которого она умерла. Тут-то и подоспел бы комсомольцам-безбожникам — поднять похороны закабаленного подростка на принципиально политическую высоту. Но и этого не произошло. С церковными обрядами и колокольным звоном девушку снесли в склеп.

— Фабульная штучка, — нерешительно заметил мой спутник. — курс на развлекательность... Пути советской оперетты... «Веселые ребята»... «Личная жизнь»... «Дама с камелиями»... Н-да! Только уж очень длинно. Неужели будет и пятый акт? Прямо трудно поверить.

Пятый акт оказался налицо. Автору так понравился склеп, что он из него уже не вылезал до конца

СТРАННАЯ ПЬЕСА

Недавно ходили вдвоем в театр. Иван Вадимович, человек хотя и очень занятой, служебный, но за искусством следит неослабно, зорко. Всегда в курсе линии, знает, кого кто прорабатывает, кого с чем едят и вообще всю подноготную. С таким приятно пойти: не просыпаться в разговоре со специалистами.

К началу мы опоздали, чуть ли не силой прорвались в зал. На сцене уже завывал речевой хор и мигали фиолетовые молнии.

Два славных и высоких рода
К прискорбию всего народа
Старинной мотюю враждой
Влеклись, что день,
то в страшный бой.

Иван
неопубликованного
Забитого

Михаил
КОЛЬЦОВ

НОВЕЛЛА

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

и начнут для него бурить нефтяную скважину. Парень пойдет сторожем на эскаватор, вступит в Союз безбожников, а девушку отец с муллой и с группой кулаков запрут в башню. Ну, а жена инженера с новостройки будет тайком обучать ее грамоте. Остальное — тракторы, убийство из обреза, укушение начальника политотдела змеей и пуск турбины — это будет в последнем, в третьем акте.

Занавес поднялся и открыл обиталище старого муллы, точнее, католического монаха Лоренцо. Но дальнейший ход пьесы не удовлетворил Ивана Вадимовича. К мулле (монаху) явился не кулак-отец, а почему-то молодой влюбленный. Они, правда, повели разговор о религии, но юноша был далек от последовательной защиты взглядов воинствующих безбожников. Монах же, в свою очередь, разыгрывал доброго, отзывчивого старичка и объяснял влюбленному, как соединиться с девушкой. Классово нечеткий образ давала и кормилица. По-видимому, автор хотел показать тип искренне любящейся середнячки, но это ему не удалось.

— Искания, — задумчиво сказал Иван Вадимович, — творческие поиски. Олеша. Типические характеры в типических обстоятельствах. Афиногенов. Шкваркин. Проблема социалистической семейной единицы. Метод Станиславского. Май Лань-фан. Виль-Белоцерковский. Это все понимать надо...

Но в третьем действии началась полная неразбериха. Положительные элементы, должностные изменить ход событий, не появились. Представители враждующих родов дрались непрерывно и чем попало. Вместо того чтобы заняться антирелигиозными вопросами, юноша как на зло зачастил к служительнице культа. Тут же, по дикому капризу автора, он приколол брата своей девушки. Кормилица превратилась в одну из ведущих фигур, не будучи, однако, вскрыта в своем нутре.

Вдобавок третье действие вовсе не оказалось ключевым. Мы были кинулись, сбивая друг друга с ног, к вешалке, но встретили там тишину и пустоту.

— Начудили, — хмуро сказал Иван Вадимович, опять садясь в кресло. — Приспособленчество. Тема-

спектакля. Сюда, в склеп, сошлись и юноша, и священник, и представители враждующих домов. Над трупом влюбленной юноша совершил самоубийство, после чего покойная ожила, но тут же опять покончила с собой. Ни тракторы, ни работники ликбеза, ни раскаявшиеся вредители так и не появились перед рампой.

Зажегся свет, публика табуном двинулась к выходу, театральный администратор льстиво склонился перед моим спутником...

— Что это за пьеса? — спросил Иван Вадимович, высоко поднимая плечи.

— «Ромео и Джульетта».

— А автор кто?

— Шекспир.

— А текст чей?

— Шекспира.

— Я слышу — Шекспир. Но чей текст? Как? Его же и текст? Без обработки? В сыром виде?

Иван Вадимович не стал больше расспрашивать. И только в подъезде, внешним спокойствием прикрывая нервность, сказал:

— С ума сошли. Это надо будет тотчас же прекратить. Я завтра Литовскому позвоню, Юзовскому. Динамову. Осинскому.